

Мари Клармон
Любви навстречу
Серия «Безумные страсти», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17225785
Любви навстречу: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-089035-4

Аннотация

Отец юной Мэри, герцог Даннкли, – чудовище в человеческом обличье. Этот жестокий негодяй не только убил свою жену, но и объявил дочь, единственную свидетельницу случившегося, безумной и заточил ее в сумасшедший дом. Однако Мэри чудом удалось бежать и найти приют в доме благородного молодого герцога Эдварда Фарли, который способен поверить ей, ведь он и сам в детстве стал свидетелем ужасного преступления. Постепенно дружба и доверие между Мэри и Эдвардом перерастают в любовь – страстное чувство, которое дает им силы вместе бросить вызов ужасному герцогу, объявившему на беглянку настоящую охоту...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	24
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мари Клармон

Любви навстречу

© Maire Claremont, 2013

© Перевод. И.А. Франк-Каменецкая, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Лондон, 1865

Леди Мэри, единственная дочь герцога Даннкли, стояла перед задней дверью одного из лондонских публичных домов, одного из многих, но для нее – совершенно особенного. Здесь, только здесь она могла получить последний шанс на спасение.

Конечно, нормальному человеку вряд ли пришло бы в голову искать спасение в столь гиблом месте, как бордель. Очевидно, такая мысль показалась бы ему дикой и даже кошмарной. Однако благодаря стараниям собственного отца Мэри давно не принадлежала к числу нормальных людей.

Ледяные капли косого дождя больно ударили по костяшкам пальцев, а яркий газовый фонарь освещал неестественную белизну ее рук. Годы, проведенные в заточении, лишили Мэри всех красок жизни, так что осталась только мертвенная бледность. Несколько дней на воле тоже оказались непростым испытанием. От изнурительно долгой ходьбы и ночевки в придорожных канавах у Мэри невыносимо ныло и болело все тело. Едва держась на ногах, она взялась за начищенный до блеска медный молоток и ударила по красной отполированной двери.

Из-за нее почти тотчас же послышались шаги. Затем тихо скрипнули металлические петли, и дверь распахнулась.

Темноволосая девушка в белоснежном чепце молча оглядела Мэри с ног до головы. При виде убогого существа в замызанной юбке, грязном лоскутном покрывале вместо накидки да еще и с короткими кое-как обрезанными волосами карие глаза служанки чуть не вылезли из орбит. Она брезгливо скривила пухлые губы и с характерным выговором уроженки лондонского Ист-Энда произнесла:

– Послушайте-ка, шли бы вы отсюда, да поскорее. У нас тут не ночлежка для нищих попрошаек.

Мэри со вздохом прислонилась к дверному косяку. Теперь, когда она почти добралась до заветной цели, остатки сил предательски покинули ее.

– Пожалуйста, позвольте мне войти.

Холодный дождь перерос в настоящий ливень, который с ожесточением набросился на короткие темные пряди бедняжки – словно задался целью превратить их в сосульки.

Мэри съежилась под натиском ледяной атаки. Вход в теплый дом казался ей райскими воротами, никак не меньше.

Девушка же, скорее всего судомойка или помощница кухарки, брезгливо поморщилась и собралась закрыть дверь.

О нет, только не это! Мэри рванулась вперед, пытаясь втиснуться в сужавшуюся щель дверного проема. Ей показалось, что служанка вот-вот грубо оттолкнет ее или вовсе прищемит дверью, но девушка, к счастью, замешкалась, и Мэри удалось упереться обеими руками в скользкую дверь, по которой стекали струи дождя.

– Умоляю вас... – прошептала она.

Служанка энергично тряхнула головой, приводя в движение оборки чепца, и проворчала:

– Сколько раз повторять?... У нас тут приличное заведение. У нас только леди самого высокого пошиба.

Мэри заставила себя выпрямиться.

– Я и есть леди. Самая настоящая. И по рождению, и по воспитанию. – Она старалась говорить как можно убедительнее. – Но даже истинные леди порой переживают нелегкие времена.

Мэри сказала чистейшую правду. Когда-то на всем белом свете не было более изнеженного создания, чем дочь герцога Даннкли. Но те времена канули в Лету, а избалованная юная леди, изменившаяся до неузнаваемости, была всеми – или почти всеми – забыта.

– Я пришла издалека и... Прошу вас, позвольте мне увидаться с мадам Ивонн.

Служанка в нерешительности переступала с ноги на ногу и наконец пробурчала:

– А вы и впрямь говорите, как образованная... Но я не могу вас пустить. Мне не хочется потерять работу.

– Вы ее точно потеряете, если откажетесь меня впустить, – заявила Мэри; она чувствовала, что выдержка ей изменяет. Вместе с остатками сил ее стремительно покидало самообладание. После стольких бед не хватало еще тратить время на препирательства с прислугой у черного хода!

Мэри попыталась сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться, и надсадно закашлялась. Каждый вдох давался ей с трудом, отзываясь острой болью в груди.

– Тогда я постучу в парадную дверь, – пригрозила она, сдерживая кашель.

Служанка побледнела.

– Вы не посмеете!..

Мэри пристально посмотрела на нее, стиснув зубы.

– Мне нечего терять, – проговорила она, едва шевеля окоченевшими губами. – В отличие от вас, не так ли?

Упрямая девица собралась возразить, но затем, очевидно, что-то взвесив про себя, лишь фыркнула. Однако промолчала.

– Вы намерены и дальше держать леди под проливным дождем? – Мэри с вызовом вскинула подбородок.

Служанка покачала головой и отступила.

Мэри тотчас же переступила порог и оказалась в просторной кухне. Здесь было так светло, тепло и чисто, что она едва не вскрикнула от радости. Господи, как прекрасно! Словно она вдруг снова попала в родной дом. Родного дома у нее больше не было, но живое воспоминание о нем стоило дорогого, – даже если оно воскресло на кухне в борделе.

Мэри осмотрелась. В огромном очаге ярко пылал огонь. На плите красовались разнообразные горшки, кастрюли и сковородки. И там же посвистывал кипящий чайник.

А на длинном дубовом столе лежали морковь, картошка, репа, лук и другие овощи, приготовленные для чистки. Это было восхитительное зрелище, лучшее из того, что Мэри случалось видеть в последние годы. В те годы, которые прошли со дня смерти ее матери.

Широко раскрыв глаза, Мэри боялась моргнуть. Что, если это великолепие вдруг исчезнет как опиумный сон – яркий и мимолетный, существующий лишь в воспаленном воображении?

У огня, в мягком темно-коричневом кресле, свернулся клубком полосатый кот. Его шерсть лоснилась и блестела, а сам он тихо мурлыкал во сне. Мэри не могла припомнить, когда в последний раз видела обычного домашнего кота. Она куда больше привыкла к диким зверюгам, которые охотились на крыс и отчаянно шипели и царапались, если к ним пытались прикоснуться.

– Ну вот, мисс, а теперь... – Держась на безопасном расстоянии от Мэри, служанка пригладила шершавыми красными руками свой белый накрахмаленный фартук. – В общем... у меня полным-полно работы. Садитесь вон туда, – она указала на жесткую скамью в дальнем углу, – а я пошлю кого-нибудь наверх. – Девушка подозрительно взглянула на Мэри. – Какое имя назвать хозяйке?

– Никакое. – Мэри судорожно стиснула край мокрого лоскутного покрывала, заменявшего ей накидку. Никто не должен был знать ее имя. Даже ей самой не хотелось вспоминать его. – Просто передайте... что здесь дочь Эзме.

Служанка в недоумении пожала плечами.

– Что-то вы темните, мисс... Мадам Ивонн не нужны неприятности.

Мэри собралась с духом, припомнила, как когда-то обращалась к отцовским слугам, и с холодной любезностью осведомилась:

– Как вас зовут?

– Нелл.

Мэри кивнула.

– Так вот, Нелл, мадам Ивонн непременно захочет встретиться со мной. Извольте найти слугу и послать его с докладом к хозяйке.

Властность тона Мэри произвела должное впечатление, и Нелл, живо повернувшись, побежала вверх по узкой лестнице.

Очень медленно, словно слабая больная старуха, Мэри добрела до дальнего угла и опустилась на жесткую скамью с прямой спинкой и без подлокотников – не слишком удобное сиденье, но можно хотя бы просто сесть и не шевелиться. Хотя, конечно, было бы куда лучше устроиться рядом с котом, поближе к огню... платье и тонкое покрывало, украденные с веревки на какой-то ферме, промокли насквозь, и Мэри страшно замерзла, так что никак не могла унять дрожь. Ее глаза жгло от усталости, и она, сомкнув веки, тихонько вздохнула. Как все изменилось... Ведь эта девушка, Нелл, смотрела на Мэри словно на видение из потустороннего мира. А раньше слуги, глядя на нее, почтительно улыбались, ловили каждое ее слово и всячески пытались ей угодить.

Наверное, Мэри и прямо стала похожа на привидение. Но скорее на ведьму или огордное пугало. Во всяком случае – не на восемнадцатилетнюю дочь герцога.

Сквозь полудрему Мэри уловила какой-то шум. На лестнице, ведущей в кухню, раздавались приглушенные голоса и стук каблуков по ступеням.

Может, это шли слуги, чтобы вышвырнуть ее за порог?

Открыв глаза, Мэри вскочила и, забыв о стертых в кровь ногах, приготовилась к бегству. Могла ли Ивонн прогнать дочь своей ближайшей подруги? Наверное, да. Жизнь научила Мэри: от людей можно ждать чего угодно. Никому нельзя полностью доверять. Достаточно вспомнить, как поступил с ней родной отец.

– Мэри! – раздался хорошо поставленный женский голос. Даже не голос, а дивный инструмент – глубокий, чарующий, предназначенный для того, чтобы ласкать слух мужчин и возбуждать в них греховные фантазии. – Мэри?... – прозвучало снова, и превосходно настроенный инструмент дал едва заметный сбой от неподдельного душевного волнения.

Из груди Мэри вырвался прерывистый вздох. В ее душе внезапно возродилась надежда – давно забытое, бесплодное, запретное чувство.

– Ивонн? – произнесла она, теребя дрожащими пальцами свои мокрые грязные лохмотья.

Хозяйка стремительно вошла в кухню – и все вокруг будто померкло; в просторном помещении, казалось, едва хватало места для пышных юбок темно-лилового платья. Ивонн сверкала словно роса в лучах утреннего солнца. Тысячи радуг переливались у нее на запястьях, на шее и в волосах, украшенных брильянтами и аметистами. Мэри никогда еще не видывала такой торжествующей красоты. В отцовском доме она рассматривала с балкона нарядных светских дам, но ни одна из них не производила на нее столь оглушительного впечатления. Мэри казалось, что перед ней возник сияющий ангел, посланный ей во спасение.

Придержав широкие юбки, Ивонн остановилась в дверях и пришла в изумление; ее светло-зеленые глаза расширились, а лицо исказила скорбная гримаса.

– Боже милостивый!.. – Прикрыв изящной ладонью ярко покрашенные губы, она смотрела на Мэри полными слез глазами. Потом тихонько вздохнула и сказала: – Как ты похожа на Эзме...

В детстве Мэри все с умилением называли точной копией матери, но она полагала, что с годами это сходство уменьшится. А уж теперь, когда она и вовсе превратилась в жалкую тень себя самой... «Как странно слышать такие слова», – подумала Мэри.

– Правда?.. – У нее перехватило дыхание. Мгновенно нахлынувшие воспоминания о матери согревали лучше всякого огня. – Неужели я действительно похожа на маму?

Ивонн кивнула и, не побоявшись испачкать платье, которое наверняка стоило целое состояние, приблизилась к девушке и заключила ее в объятия, благоухавшие розами и тонким ароматом пудры.

Мэри оцепенела, намертво вцепившись в свою мокрую «накидку». Ах, как ей хотелось откликнуться на ласковый порыв Ивонн, хотелось припасть к ней, обнять и разрыдаться. Но у нее уже не оставалось слез – все они были выплаканы в темной холодной камерке приюта для умалишенных, где всемогущий герцог Данкли решил сгноить свою дочь. В результате все чувства Мэри умерли, вернее их уничтожили, но не смогли уничтожить главное – отчаянное желание уцелеть, выжить, спастись. И вот теперь, стоя в объятиях Ивонн, Мэри боялась пошевелиться. А вдруг все это – только сон, вдруг она сейчас очнется в придорожной канаве где-нибудь между Йоркширом и Лондоном? Но было бы еще хуже, если бы она проснулась в приюте, на грязном кишасе клопами соломенном тюфяке, под бдительным присмотром надзирателя...

Кроме того, Мэри боялась, что не выдержит и закричит. При любом прикосновении ее охватывал ужас. Три года к ней прикасались только гнусные жестокие чудовища...

– Чарлз! – Тут Ивонн отстранилась и жестом подозвала слугу. Ее плавные движения завораживали не меньше, чем прекрасное лицо. – Чарлз, Мэри очень слаба. Отнесите ее в мои апартаменты. Воспользуйтесь задней лестницей и позаботьтесь, чтобы вас никто не увидел.

Слуга опустил глаза, с грустью посмотрел на свои белоснежные перчатки и нахмурился.

– Но ведь я...

– Чарлз, сейчас же, – перебила Ивонн с царственным спокойствием Мадонны, сошедшей с живописного полотна. – И передайте кухарке, чтобы подала наверх бульон и бутылку вина. Доброе крепкое вино пойдет Мэри на пользу. – Она отошла в сторону, уступая слуге дорогу, и добавила: – Побыстрее, Чарлз. Действуйте.

Слуга почтительно кивнул и шагнул к Мэри.

В облике этого молодого человека не было ничего угрожающего – приятное добродушное лицо, аккуратно подстриженные светлые волосы, спокойные движения, но при мысли о том, что он может взять ее на руки, у Мэри потемнело в глазах. Не владея собой, она дико вскрикнула и прошипела:

– Не прикасайтесь ко мне...

Чарлз остолбенел, залился краской и дернулся – словно получил пощечину.

– Прошу прощения, мисс, но я всего лишь выполняю поручение мадам.

– Подождите, Чарлз. – На выразительном лице Ивонн тревога сменилась задумчивостью, а затем сочувственным пониманием. – Что ж, очевидно, Мэри хочет идти сама, – сказала она. – Полагаю, это вполне естественно, ведь Мэри – взрослая разумная девушка, не правда ли, дорогая?

Красивый голос Ивонн звучал ровно и вкрадчиво. Точно таким же тоном надзиратели в приюте говорили с новыми пациентками. Надзиратели... Мэри на секунду зажмурилась,

отгоняя мысли об этих мерзавцах – воспоминания и о том, как они почти сразу же переходили от увещаний к зверскому насилию.

– Так как же, Мэри? – Ивонн понизила голос почти до шепота. – Что для тебя лучше?

Мэри с трудом сосредоточилась. Что для нее лучше? Лучше всего было бы навсегда забыть о проклятом приюте! Но ее сейчас спрашивали совсем про другое...

– Я пойду сама. У меня хватит сил. Я справлюсь.

– Конечно, справишься, дорогая. А я буду рядом, и ты сможешь опереться на меня. – Ивонн снова к ней подошла и протянула руку, обильно украшенную драгоценностями. – Ну как, согласна?

Мэри в смятении опустила глаза. Она хотела ответить «да», – хотела, но понимала, что не стоило даже и пытаться. Люди причинили ей слишком много зла. Три года она не доверяла никому, кроме Евы – девушки из соседней каморки в их приюте.

Покачав головой, Мэри ответила:

– Нет, я сама.

Ивонн опустила руку и печально улыбнулась.

– Что ж, хорошо. Тогда я пойду первая, а ты за мной.

Мэри молча кивнула и тут же подумала: «Интересно, послушаются ли меня сейчас ноги?»

– Чарлз, и еще нужно принести наверх горячую воду, – сказала Ивонн. Взглянув на Мэри, она добавила: – Много горячей воды, чтобы приготовить хорошую ванну для нашей дорогой гостьи.

Покончив с распоряжениями, хозяйка вынула из стоявшего на столе канделябра розетку с зажженной свечой и стремительно направилась к лестнице. «Дорогая гостья» осторожно, словно ступая по раскаленным углям, двинулась следом. Израненные ноги горели огнем. Кроме того, ей приходилось следить за каждым своим шагом, чтобы не задеть необъятный подол великолепного лилового платья Ивонн.

Они поднимались в полном молчании. И чем дальше они шли, тем сильнее сердце Мэри сжималось от безысходного одиночества. Тайны – одна опаснее другой – кружили над ней точно смертоносные фурии и не давали ей забыть, что ее жизнь висела на волоске. Они грозили оборвать этот волосок, если она их выдаст.

Поднявшись на верхний этаж, Ивонн, по-прежнему молча, повела Мэри по широкому коридору, где решительно все отливало золотом – золотые узоры вились по стенам, разбегались по потолку и отражались в зеркалах. Большие зеркала в золоченых рамах тянулись по обеим сторонам коридора; в полумраке они напоминали череду стертых временем фамильных портретов, поверх которых зачем-то нарисовали одну и ту же картину: огонек свечи, статная дама в роскошном платье и какая-то маленькая скрюченная фигурка.

Стоп! Мэри остановилась, осторожно повернула голову и невольно ахнула, увидев в зеркале узкую маску с темными провалами вместо щек и глаз.

Ивонн резко повернулась, и свет свечи, упавший на лицо девушки, выхватил из темноты ее отражение.

– Нет, – прошептала Мэри. И в смятении повторила еще несколько раз: – Нет, нет, нет!

Она выглядела в точности так, как выглядела ее мать незадолго до смерти – исхудавшая, измученная, сломленная, с потухшим затравленным взглядом. Не отрываясь от зеркала, Мэри медленно провела ладонью по лицу, словно проверяя, ее ли оно. Да, все верно. И все совпадало. Такие же темные волосы, только короткие, такие же высокие скулы – наследство прабабки, французской виконтессы, – и такие же миндалевидные фиалковые глаза – подарок от другой прабабки, уроженки Кашмира. И это значило... О, выходит, ей только казалось, что она сильнее матери и может спастись вопреки злой воле отца. На самом деле он уже

победил. Партия сыграна – дамы биты. Одна давно лежит в могиле, другая превратилась в живой труп.

– Мэри, дорогая... – послышался ласковый голос Ивонн. – Скажи, когда ты в последний раз смотрелась в зеркало?

Мэри вздрогнула, опустила руку и попыталась сосредоточиться.

– Я думаю... – Она внезапно умолкла. Ей вспомнились просторные комнаты лондонского особняка на Уолсли-стрит. Там было множество зеркал – даже больше, чем в этом золотом коридоре. И те зеркала застали то счастливое время, когда перед ними кружилась и прихорашивалась мать Мэри. А отец, вальяжно расположившись в кресле, курил сигару, потягивал французский коньяк и любовался своей прелестной женой.

Ивонн пристально посмотрела сначала на Мэри, потом – на ее отражение.

– Наверное, с тех пор прошло немало времени, правда?

– Да, немало, – ответила Мэри, по-прежнему не сводя глаз с зеркала.

– Ну... идем. – Ивонн отвернулась и прикрыла ладонью свечу. – Нам с тобой необходимо поговорить, но только не в коридоре.

Мэри осмотрелась и молча кивнула. Откуда-то доносился приглушенный смех, и слышались чьи-то шаги, тихим эхом разносившиеся по пустынному коридору. Мэри судорожно сглотнула. Она прежде никогда не бывала в «Шатрах Эдема», но знала от матери, что сюда часто наведывались богатейшие мужчины Лондона. И многие из них наверняка были знакомы с ее отцом.

Ошеломленная этой мыслью, Мэри последовала за хозяйкой, и вскоре они добрались до высокой двери в конце коридора. Дубовые створки украшал искусно выполненный рельеф – на лоне природы обнаженные мужчина и женщина сплелись как две виноградные лозы.

Ивонн распахнула двери и прошла по просторной комнате, зажигая расставленные повсюду канделябры.

Мэри осторожно переступила порог, с трудом затворила за собой массивные дверные створки и остановилась, подавленная великолепным убранством синего с золотом будуара.

– Садись ближе к огню, – сказала Ивонн, указывая на расшитые золотом кресла перед большим узорчатым камином из светлого камня.

Разумеется, тут тоже висели зеркала. Дабы вновь не столкнуться со своим отражением, Мэри опустила глаза, торопливо пересекла комнату и опустилась в мягкое кресло. В последний раз она грелась у камина три года назад. Тогда это казалось ей чем-то вполне обыденным, теперь же воспринималось как немыслимая роскошь.

Несколько минут Мэри сидела, впитывая драгоценное тепло. Уловив тихий скрип дверных петель, затаила дыхание и вжалась в кресло. В будуаре появился Чарлз с большим подносом, а следом за ним вошли три слуги, тащившие ванну и ведра с водой.

Осмотревшись, Чарлз опустил поднос на мраморный стол с золотой окантовкой и подождал, когда остальные управятся со своей работой. После чего все четверо выстроились в ряд, поклонились и покинули комнату, плотно закрыв за собой двери.

Наполнив красным вином два бокала, Ивонн протянула один из них Мэри и расположилась в кресле напротив – села столь ловко и грациозно, словно под юбками у нее не было жестких обручей кринолина.

Мэри приготовилась к неизбежному. Она знала, что будет дальше. Будут вопросы. Пытка вопросами.

– Пей же, – сказала Ивонн.

Девушка послушно поднесла бокал к губам и с наслаждением сделала несколько глотков благородного напитка, немного терпкого на вкус.

– Три года назад герцог Даннкли объявил о кончине своей единственной дочери, – сказала Ивонн. – Ты восстала из гроба, чтобы известить нас, грешных?

Мэри поперхнулась, выпустила фонтан винных брызг и закашлялась.

– Нет, дорогая, так не годится. Тебе надо выпить все до последней капли.

Поборов приступ кашля, Мэри вытерла губы, и на руке у нее появились красные разводы. Красные, как кровь. Как кровавые ручейки на каменном полу...

Только на сей раз это было вино. Всего лишь вино. Просто вино. И никакой крови.

– Похоже, ты шокирована известием о собственной смерти, – заметила Ивонн.

– Да, признаться, для меня это новость. – Мэри издала хриплый звук, отдаленно напоминавший смех. – Возможно, меня похоронили, а Господь снизошел и воскресил меня, как Лазаря. Но я что-то не припоминаю ничего такого...

– Знаешь, когда слуга доложил, что внизу меня ждет дочь Эзме, я сразу поверила. Как будто давно ждала тебя. – Ивонн ненадолго задумалась, перебирая кончиками пальцев грани хрустального бокала. – Мне всегда казалось странным, что вы с твоей матерью умерли практически одновременно. Конечно, все мы смертны, но в этой внезапной двойной трагедии было что-то противоестественное. Следует учесть и то, как герцог обращался с Эзме. Она успела посвятить меня в некоторые подробности. Незадолго до конца.

Услышав эти слова Ивонн, Мэри чуть не проговорила, но вовремя прикусила язык. Никаких откровений. Ни с кем. Это слишком рискованно. Еще неизвестно, согласится ли Ивонн приютить ее.

– Мы непременно сходим на кладбище. Положим свежие цветы на твою могилу, – с горечью продолжала Ивонн. – Я там часто бываю. Ты похоронена рядом с матерью.

– Мой отец – чудовище, – буркнула Мэри.

– Господи, какое счастье, что ты жива и пришла именно ко мне.

– Мама доверяла вам, как никому другому.

Ивонн печально улыбнулась.

– Эзме Даррелл умела дружить. Герцог запрещал ей встречаться со мной, но она приходила сюда тайком.

У Мэри болезненно сжалось сердце. Точно так же, тайком, мать говорила ей про Ивонн, про ее доброту и великодушие. Говорила так, словно предвидела страшное будущее и объясняла дочери, к кому следовало обратиться за помощью.

Ивонн вдруг резко подалась вперед и сказала:

– Дорогая, объясни, что же все-таки произошло?

– Я... – Мэри ужасно хотелось выложить всю правду – от начала до конца. Но она преодолела искушение и проглотила слова, уже готовые сорваться с губ. – Я не могу...

Ивонн шумно вздохнула.

– Тогда хотя бы скажи, где ты была все это время.

– На севере Англии, – хрипло пробормотала Мэри и быстро сделала большой глоток вина, на сей раз не расплескав ни капли.

Ивонн явно не удовлетворил такой ответ.

– Понятно, – кивнула она, откинувшись на спинку кресла. – А твой отец знает, что ты жива?

Знает ли отец? Конечно, знает. И он будет охотиться за ней, чтобы вернуть в ад, из которого она чудом вырвалась.

– Он сам отправил меня туда, – прошептала Мэри.

– Куда именно? – Ивонн с силой сжала свой бокал, так что побелели костяшки пальцев. – Куда он тебя отправил?

Мэри молча покачала головой и отвернулась. Ей не хотелось вспоминать о пережитых ужасах.

– Поверь, я не сделаю тебе ничего плохого, – сказала Ивонн. – И другим не позволю.

Мэри смотрела в камин, но не видела огня. Перед ее мысленным взором возникли невыносимо отчетливые картины. Приют... Надзиратели... Искалеченное тело матери у подножия лестницы... и отец – невозмутимый и беспощадный.

– Вы хотите знать, куда он отправил меня? – глухо произнесла она. – В сумасшедший дом, Ивонн. Он отправил меня в сумасшедший дом.

Глава 2

Эдвард чувствовал себя разбитым и опустошенным. Он устал от бесконечных ночных эскапад и хотел просто сесть в уютное мягкое кресло и отдохнуть – ничего более. Вероятно, ему не стоило приезжать к мадам Ивонн.

А куда стоило? Он уже везде побывал, перепробовал все возможные развлечения, но так и не смог избавиться от призраков прошлого. И сейчас у него в ушах снова зазвучал полный ужаса девичий крик. Крик этот вот-вот поднимется до пронзительной верхней ноты – и утихнет. Но потом непременно вернется. Как же спастись от наваждения? Неужели оно никогда не кончится?

Пытаясь избавиться от мрачных мыслей, Эдвард взял со стола бокал, сделал плоток бренди и обвел взглядом обитую кремовым шелком гостиную. У дальней стены на диване сидела белокурая молодая особа в шафрановом платье с глубоким декольте. Перехватив взгляд Эдварда, она выпрямилась и расправила плечи, демонстрируя пышный бюст. Когда-то такое зрелище не оставило бы его равнодушным, но теперь, увы, навевало скуку и не сулило ничего, кроме очередной потерянной ночи.

Эдвард вздохнул. Его не покидало ощущение, что он двигался по замкнутому кругу от одного разочарования к другому. Тем не менее он не настолько разуверился в жизни, чтобы стать затворником. Остаться наедине со страшными воспоминаниями? Нет, это не выход.

Его мать выбрала такой путь и теперь медленно, но верно гибла в опиумном дурмане. Эдвард не собирался идти по ее стопам. Слава богу, у него хватало ума не повторять ошибок хотя бы одного из родителей.

Блондинка направилась к нему, шелестя шафрановыми юбками. Ее светлые локоны задорно подрагивали у нарумяненных щек в такт походке.

– Вы позволите составить вам компанию, ваша светлость?

«Ваша светлость»? Интересно, по каким признакам она определила, кто он такой? Решительно все здешние девицы моментально узнавали Эдварда, даже если никогда раньше его не видели. Словно у него на лбу было клеймо – точно такое же, как на его репутации. Но с клеймом или без – он очень щедро платил за услуги, чем обеспечивал себе радушный прием.

Блондинка остановилась перед Эдвардом, и тут рядом с ней словно из-под земли возникла еще одна жрица любви – жгучая брюнетка. Она томно улыбнулась и с хрипотцой в голосе спросила:

– Может быть, ваша светлость желает провести время с нами обеими?

Раньше он, конечно, ответил бы «да». Но сейчас пожал плечами и пробормотал:

– Боюсь, я не в настроении.

– Ваша светлость почувствует себя гораздо лучше, если воспользуется вот этим превосходным средством, – мечтательно произнесла блондинка и с явным нетерпением взяла одну из разложенных на столе опиумных трубок. – Позвольте, я раскурю ее для вас.

– Мы раскурим, – поправила брюнетка.

Эдвард не употреблял опиум ни в каком виде и ни при каких обстоятельствах. Он слишком хорошо знал, какие опасности таит в себе пристрастие к этому зелью. Оно превращало людей в рабов, лишало их воли, отнимало жизненные силы и в конце концов убивало душу.

Нет-нет, боже упаси! Такой участи не то что себе – врагу не пожелаешь!

Между тем девицы сделали по затяжке и заулыбались, ожидая, что Эдвард последует их примеру. Но он отрицательно покачал головой и отступил на шаг, отворачиваясь от струек дыма, плывших по комнате и извивавшихся в отвратительно бесовской пляске.

– Ваша светлость... – Блондинка кокетливо надула пухлые губы. – Неужели вы собираетесь покинуть нас?

– Мы этого не вынесем, – жеманно проворковала брюнетка.

Эдвард почувствовал, что больше не в силах находиться здесь ни минуты. Не в силах вдыхать тошнотворный дым опиума. Не в силах слушать фальшивые речи. Не в силах притворяться спокойным и безмятежным.

Хотя, если вдуматься, вся его жизнь – сплошное притворство. Театр одного актера. Спектакль для всякого, кто, глядя на него, думает о его отце. То есть для всех – включая его самого. Глядя на себя в зеркало, Эдвард вспоминал отца, поэтому терпеть не мог зеркала.

– Милые дамы... – Он прикоснулся губами к щеке блондинки, затем поцеловал руку брюнетки. – Дамы, вы очаровательны, но я устал. Мне остается только пожелать вам всяческого благополучия.

В его словах не было притворства. Он искренне желал им добра, надеясь, что однажды они найдут достойных покровителей и покинут публичный дом. Конечно, вряд ли такое случится, но ему очень хотелось, чтобы им улыбнулась удача.

– Мы всегда рады исполнить любое пожелание вашей светлости, – сказала блондинка и с игривой улыбкой добавила: – Надеюсь, вы скоро навестите нас, чтобы убедиться в этом.

Эдвард вежливо поклонился, вышел из гостиной и зашагал по увешанному зеркалами коридору, опустив глаза – чтобы случайно не столкнуться со своим отражением. Он шел очень быстро, почти бежал. Ему смертельно наскучил Лондон, наскучил бессмысленный калейдоскоп пустых развлечений, наскучили кутежи, карты и женщины. Все приелось и казалось невыносимо однообразным и пресным. Может, то же самое чувствовал и отец? Может быть, именно жажда новизны подтолкнула его к краю пропасти?

Чтобы успокоиться и разобраться в себе, Эдварду следовало выговориться, излить душу благожелательному собеседнику, точнее – собеседнице, поскольку имелась в виду блистательная мадам Ивонн. Конечно, лучше всего было бы побеседовать с ней в постели, но мадам перестала лично обслуживать клиентов задолго до знакомства с Эдвардом.

Впрочем, его это не очень расстраивало. Куда больше женских прелестей ценил он ее цепкий пронизательный ум, трезвость суждений, а также отзывчивость и человеческую порядочность – редкие качества для хозяйки борделя.

На правах постоянного посетителя и особо важной персоны Эдвард без стука открыл резную двустворчатую дверь и вошел в будуар. Здесь царили мир и покой. В канделябрах мягко мерцали зажженные свечи, а на просторной кровати живописно поблескивали красные и белые шелковые подушки.

Неожиданно в тишине раздался плеск воды. Эдвард повернулся и увидел картину, от которой не смог бы оторваться даже праведник.

У камина, в янтарном круге света, принимала ванну прелестная юная нимфа. И все в ней было удивительно: короткие темные волосы, белая кожа, узкое лицо с безупречными чертами, тонкая длинная шея и изящные плечи, маленькая, но удивительно красивая грудь и острые, как у подростка, колени.

Однако самое удивительное заключалось в том, что от этой хрупкой фигурки исходила некая сила, магию которой Эдварду очень хотелось бы разгадать. В конце концов, надо же было чем-то заняться в ожидании Ивонн...

– Добрый вечер, дорогая, – негромко произнес он.

Девушка вздрогнула, пронзила его настороженным взглядом и стиснула пальцами края ванной.

– Я вам не дорогая.

Эдвард слегка опешил от такого ответа. Где это видано, чтобы в шикарном доме свиданий девица грубила мужчине? Вероятно, она тут совсем недавно, и мадам успела отмыть ее, но еще не успела как следует выдрессировать.

Но, с другой стороны, она говорила резко, отрывисто, но очень правильно. То есть явно происходила не из какого-нибудь провинциального захолустья и не из трущоб лондонского Ист-Энда.

И она смотрела на него своими огромными фиалковыми глазами, в которых отражался страх. Да-да, в ее прекрасных глазах был животный страх и вызов.

Эдвард не помнил, когда ему случалось пребывать в такой растерянности. Оно и понятно – не каждый деньходишь в комнату и видишь голую, насмерть перепуганную и чрезвычайно враждебную дикарку.

– Уходите, – процедила она, едва разомкнув бледные губы.

– Как вам будет угодно, – сказал Эдвард. И вдруг обнаружил, что не может пошевелиться.

Эта девушка словно околдовала его. Впервые за долгие годы, глядя на женщину, он испытывал живой и неподдельный интерес без примеси плотского желания.

– Уходите! – повторила она и резким движением поднялась на ноги. Очевидно, он был не первый мужчина, видевший ее обнаженной. Она даже не пыталась прикрыть наготу или отвернуться. Только опустила глаза и замерла как натянутая струна, звенящая от яростного напряжения.

Эдвард не имел привычки навязывать свое общество кому бы то ни было, тем более беззащитной женщине. Он понимал, что должен немедленно удалиться. Понимал – и продолжал стоять как вкопанный. Он твердо решил, что не уйдет, пока не узнает, кто она и откуда. Ему надо было это знать – не просто надо, а необходимо.

И еще ему хотелось бы знать, что за мерзавец довел бедняжку до такого состояния. Черт побери, ее явно морили голодом! И не только. На истощенном теле повсюду расплывались синяки, видимо – следы побоев. При мысли о такой жестокости Эдвард на секунду зажмурился, чтобы унять вспышку охватившего его гнева.

Между тем худосочная нимфа проворно выбралась из ванны и устремилась к камину. Она попыталась схватить кочергу, но поскользнулась на мраморном полу и потеряла равновесие. Сорвавшись с места, Эдвард поймал ее – и очень вовремя. Еще немного, и она ударилась бы виском о каминную решетку. И тогда, скорее всего, погибла бы.

Он осторожно обнял девушку и не торопился выпускать, чтобы дать ей время отдышаться. А она прижала ладони к груди, защищаясь от соприкосновения с ним. Ее плечи поникли, а фиалковые глаза потемнели от безысходного отчаяния.

– Вы собираетесь мучить меня? – прошептала она, глядя на него, словно раненая лань на охотника.

Эдвард чувствовал, как билось ее сердце, и видел, как пульсировала голубая жилка на ее тонкой шее. У него перехватило дыхание от волнения, жалости и... робкой надежды. Может, она послана ему самим провидением? А может, ему удастся помочь ей? Может, с ее появлением его жизнь наконец-то обретет смысл?

– Нет, – прошептал он, не узнавая собственного голоса, – я не буду вас мучить. Никто не будет. Никто и никогда.

– Я вам не верю, – ответила она с горечью.

Эдвард вздохнул. Нимфа не верила ему, потому что боялась. Ему хотелось вечно держать ее в объятиях, но еще больше хотелось завоевать ее доверие. Чтобы продемонстрировать чистоту своих намерений, он опустил руки и отпустил на шаг.

Более того, Эдвард Томас Уильям Барронс, герцог Фарли, циник до мозга костей, скромно отвернулся и устремил взгляд на узорчатый персидский ковер.

– Поверьте, я не сделаю вам ничего дурного.

Вместо ответа он услышал короткий металлический звон, а затем – быстрые легкие шаги и шуршание ткани. После чего воцарилась тишина.

Эдвард терпеливо ждал. Неужели она полагала, что от него так легко отделаться? Нет, вряд ли она была настолько наивна.

– Можно мне повернуться? – спросил он наконец.

Такая формулировка вопроса далась ему с некоторым трудом. Герцоги, как правило, сами решают, что им можно, а что нет. Но он нарушил правило. Ради нее. Ради нее он готов был на многое.

– Нет.

– А что можно? – осведомился он.

– Вы можете выйти вон, – ответила нимфа, не повышая голоса.

Несколько мгновений Эдварду казалось, что он ослышался. Его поразили не сами слова, а интонация. Такую манеру речи нельзя перенять – ее впитывали с младенчества отпрыски самых знатных семейств Англии. Каким же злым ветром юную леди благородного происхождения занесло в публичный дом?

– Если вам угодно, я уйду. Только сначала вы скажите мне, как вас зовут.

– Нет, – отрезала девушка.

Он с напускным безразличием пожал плечами.

– Что ж, тогда я останусь здесь.

– Зачем вам знать, как меня зовут?

– Мне хочется это знать. А я всегда получаю то, чего хочу, – с усмешкой пояснил Эдвард.

Нимфа молчала.

– Так как же? – спросил Эдвард. Не дождавшись ответа, он медленно повернулся и посмотрел на прекрасную незнакомку. В своем импровизированном одеянии из пурпурной шелковой простыни она стояла перед ним, словно воин, готовый к бою; горделиво вскинутый подбородок, в руке – кочерга, а во взгляде – отчаянная решимость не сдаваться на милость победителя.

– Я не намерена удовлетворять ваше любопытство, – процедила она сквозь зубы.

– Но как же я смогу вам помочь, если не знаю даже вашего имени? – мягко возразил Эдвард.

– Я не нуждаюсь в вашей помощи. – Нимфа насупилась и приподняла увесистую кочергу.

Эдвард не на шутку встревожился – уж не надорвется ли хрупкий воин под тяжестью своего оружия?

– Скажите, а как вы собираетесь использовать этот инструмент? – Он кивком указал на кочергу. – Хотите раскроить мне череп?

Губы девушки побелели. По лицу ее пробежала судорога.

– Если... – Она запнулась. – Если понадобится, то да.

Эдвард понял, что нечаянно затронул какую-то болезненную струну, но сделал вид, что ничего не заметил.

– Не понадобится. Я обещаю, – заявил он.

Дрожащей рукой девушка подняла кочергу еще выше.

– Я не верю обещаниям!

– Я тоже, – признался Эдвард.

– Тогда зачем только что дали мне обещание? – с вызовом спросила нимфа.

Эдвард поморщился. В самом деле – зачем? Впрочем, ответ был очевиден.

– Чтобы убедить вас сделать то, что я хочу.

– Почему вы так откровенны?

– Потому что ложью от вас ничего не добьешься.

Она еще крепче сжала кочергу и утвердительно кивнула:

– Вот именно.

Эдвард устало вздохнул. Ему прежде не приходилось сталкиваться с подобным ожесточением. Эта девица напоминала животное, забитое до такой степени, что его уже невозможно приручить.

– Что ж, если вы отказываетесь назвать себя, я сам придумаю вам имя.

Девушка взглянула на него с подозрением:

– И тогда вы оставите меня в покое?

Эдвард любезно поклонился.

– На сегодня – да.

– В таком случае придумывайте и уходите!

Она говорила с ним, как с нерадивым слугой. Что было бы забавно, если бы не панический ужас, застывший в ее прекрасных глазах.

А ее имя... Оно снизошло на него словно озарение – само сорвалось с языка.

– Калипсо! – выпалил Эдвард.

Нимфа медленно опустила кочергу и замерла, в изумлении распахнув фиалковые глаза и беззвучно шевеля губами.

Эдвард слегка улыбнулся. Он всегда улыбался слегка, если уж улыбался, но на сей раз улыбка вышла чуть теплее обычной. Превосходное имя! Оно явно запало ей в душу. И теперь, чтобы закрепить успех, надо было уйти – именно в тот момент, когда она заинтригована.

Эдвард не знал, каких богов благодарить, но он, наконец, нашел, чем ответить на преследовавший его девичий крик. Теперь у него появилась Калипсо. Спасая ее, он освободится от призраков прошлого и обретет самого себя.

Глава 3

Калипсо... Дочь титана. Проклятая богами отверженная пленница пустынного острова. Но кто же он, этот высокий необыкновенно красивый человек? Как он догадался? Как понял, что ее проклинали и отвергли? И неужели она, подобно Калипсо, обречена страдать до конца своих дней?

– Пусть будет Калипсо, – сказала Мэри, с замиранием сердца вглядываясь в незнакомца.

Темные волосы в живописном беспорядке падали ему на лоб. Прямые черные брови почти сходились на переносице. Сумрачные глаза напоминали окна давно опустевшего дома. Дома с привидениями, – возможно, такими же зловещими, как те, что преследовали ее, Мэри.

Она подумала об этом, когда он едва заметно улыбнулся. Улыбнулся вымученно, как глубоко страдающий человек. Человек, опустошенный душевной болью...

А может, именно поэтому он дал ей такое точное имя? И расскажи она ему, что творилось в ее душе, он, возможно, ее понял бы.

Нет-нет, такого просто быть не могло. Никогда! Ни один мужчина не в состоянии понять чувства униженной растоптанной женщины. Мужчины – хозяева жизни. Сила всегда на их стороне. Так уж устроено общество... И даже самый последний бедняк – царь и бог в своей семье, поэтому волен творить что угодно с женой и детьми.

Однако мужчина, стоявший в нескольких шагах от нее, не был бедняком. Напротив, безупречный костюм выдавал в нем человека весьма состоятельного. А манера держаться и властный тон указывали на знатное происхождение. И все-таки за внешним благополучием угадывалась какая-то личная драма... и почти детская уязвимость.

Мэри невольно прониклась к нему сочувствием и неожиданно для самой себя спросила:

– А вас как зовут?

Он склонил голову к плечу и, внимательно глядя на нее, прищурился.

– Вам это интересно?

Мэри тотчас пожалела, что задала ему этот вопрос. Пусть оставит свое имя при себе. Оно ей совершенно без надобности. Хотя...

– Меня зовут Эдвард, – сказал он и тут же добавил: – Эдвард Барронс.

Имя как имя... Ничего особенного. Но в его устах оно звучало как музыка. В его устах все звучало как музыка. Потому что у него был изумительный голос – глубокий, низкий и словно обволакивающий...

Он галантно поклонился – чуть иронично, но без тени издевки.

– За сим, Калипсо, позвольте поблагодарить вас за терпение и удалиться. Я слишком долго обременял вас своим присутствием.

И тут Мэри вдруг поняла: ей вовсе не хотелось, чтобы он уходил. Да, конечно, она требовала, чтобы он оставил ее в покое, но теперь передумала. Потому что никакого покоя не будет. Она просто останется в одиночестве. Как всегда – одна в окружении чудовищных призраков прошлого.

Но она на собственном опыте убедилась, что от мужчин следовало держаться подальше. От всех без исключения. Поэтому Мэри не просила его остаться. Напротив, вскинула подбородок и сказала:

– Прощайте.

Он молча развернулся и вышел из будуара – так же стремительно, как и вошел.

Тихонько вздохнув, Мэри проводила его взглядом. Как странно... С ним она чувствовала себя не слабым забитым существом, а сильной энергичной женщиной. Он действовал на нее как эликсир жизни.

Эликсир? Боже милостивый, уж не померещилось ли ей все это? Что ж, вполне возможно, если учесть ее зависимость от опиума. Хотя... Ведь в последние дни она не пила настойку. Так что Эдвард Барронс – вовсе не плод болезненного воображения.

Да-да, он здесь был. Пробыл всего несколько минут, но эти несколько минут казались Мэри чрезвычайно насыщенными.

Сначала он до смерти напугал ее. Потом спас от смерти, удержав от удара виском о каминную решетку. Затем придумал для нее поразительно точное имя. И, наконец, заморозил своим таинственным обликом и дивным голосом. При этом, вопреки ее опасениям, он был вежлив, предупредителен и даже держался на почтительном расстоянии, явно не рассматривая ее как объект для плотских утех.

Тем не менее он определенно заинтересовался ею. Но что могло его заинтересовать? На этот вопрос мог ответить только сам Эдвард Барронс. Но он ушел. Однако казалось, что его присутствие все еще витало в воздухе...

– Мэри?.. – раздался из-за двери тихий голос Ивонн.

Мэри метнулась к камину и повесила кочергу на крюк. К счастью, это оружие ей не понадобилось.

Ивонн же проскользнула в будуар и, плотно закрыв за собой тяжелые резные двери, спросила:

– Все в порядке?

В порядке?.. У кого? Мэри подтянула повыше шелковую простыню, которой все еще прикрывалась, и пробурчала нечто невразумительное.

Заметив лужи около ванны и мокрое пятно на ковре, Ивонн покачала головой и вновь взглянула на девушку.

– Я имею в виду знакомство с герцогом, – пояснила она.

– С герцогом? – переспросила Мэри в полном недоумении. Неужели Небеса решили поглумиться над ней, наслав на нее еще одного герцога? Как будто ей отца мало.

Ивонн выгнула золотистую бровь и проговорила:

– С Эдвардом Барронсом, герцогом Фарли. Разве он не заходил сюда?

– Заходил, – пробормотала Мэри, мысленно сравнивая Эдварда Барронса со своим отцом. Между ними имелось что-то общее – внушительные манеры и уверенный тон. Но на этом сходство заканчивалось. Барронс держался с достоинством, но без презрительного высокомерия. Он не демонстрировал своего превосходства, и в его сумрачном взгляде не было тлеющего огонька беспощадной жестокости. Того огонька, который ярким пламенем вспыхивал в глазах ее отца при малейшем неповиновении.

Ивонн подошла к Мэри и протянула руку. Но, видимо, вспомнив, что Мэри уклонялась от прикосновений, ограничилась неопределенным жестом.

– Надеюсь, герцог не... – Она замаялась. – Он ничем не обидел тебя?

Этот человек вызвал в израненной душе Мэри множество переживаний. Но они не имели ничего общего с обидой.

– Нет, – коротко ответила она.

– Вот и хорошо, – с облегчением произнесла Ивонн. – Я встретила его, когда шла сюда. Он сам заговорил о тебе.

Не зная, куда девать глаза от смущения, Мэри отвернулась и уставилась на огонь, пылавший в камине.

– Неужели? – пробормотала она.

– И он назвал тебя чрезвычайно привлекательной молодой особой, – продолжала Ивонн.

– Меня?.. – Мэри вспомнила свое отражение в зеркале. Ее можно было назвать ночным кошмаром, привидением, огородным пугалом или ведьмой. Но чтобы такой мужчина, как Эдвард Барронс, нашел ее привлекательной?.. – Наверное, он пошутил, – предположила она.

– Нет, он говорил вполне серьезно, – возразила Ивонн. – И мне кажется... Теперь я знаю, как выйти из нашего затруднительного положения.

– Вы о чем? Не понимаю... – пробормотала Мэри, невольно поежившись.

– Дорогая, тебе нельзя здесь оставаться.

Пошатнувшись словно от удара, Мэри в панике вглядывалась в лицо Ивонн. Может быть, она передумает? Может, возьмет свои слова обратно? Ведь ей больше некуда идти, только на улицу...

– Прошу вас, – взмолилась она, – я сделаю все, что вы...

– Милая, я не собираюсь бросать тебя на произвол судьбы. Ты очень дорога мне. Мое сердце принадлежит тебе – так же, как принадлежало когда-то твоей матери. Но твой отец... Ему ведь известно, что мы с Эзме были ближайшими подругами. Поэтому в первую очередь он явится за тобой именно сюда. – Ивонн ненадолго умолкла. – Насколько я понимаю, он будет искать тебя, верно?

У Мэри подогнулись ноги, и она осела на пол. То, что сказала Ивонн, было не просто верно, а очевидно. Но, решаясь на побег, Мэри об этом не думала. Ею владела лишь одна мысль – вырваться из приюта и добраться до «Шатров Эдема». Ей казалось, что в конце долгого и опасного пути ее ждет спасение. А то, что этот путь приведет ее прямоком в лапы дражайшего папочки, герцога Даннкли, – такое ей даже не приходило в голову.

Как глупо... Как ужасно, как непоправимо глупо! Конечно, отец будет ее искать. Узнав о побеге, он ринется в погоню с упорством маньяка. И ему не потребуется много времени. Он быстро найдет ее и отправит обратно. Отправит туда, где нет жизни, а есть только беспроекторное мучительное существование.

– Какой же тут может быть выход? – прошептала Мэри, зябко кутаясь в шелковую простыню.

Ивонн направилась к розовому мраморному столу с напитками и вскоре вернулась с двумя бокалами, наполненными янтарным бренди. Наклонившись к девушке, она протянула ей бокал:

– Держи.

Мэри послушно взяла бокал.

– Ивонн, у вас есть план? Что вы предлагаете?

Ивонн опустила глаза.

– Дорогая, я понимаю, что на твою долю выпали тяжкие испытания, но я вынуждена задать тебе вопрос... – Она сделала глоток бренди и уже без колебаний спросила: – Ты могла бы лечь в постель с мужчиной?

Мэри вздрогнула и постаралась отогнать жуткие тошнотворные воспоминания, пока они не захватили ее целиком.

– Я вижу, тебя заставляли ублажать мужчин, верно?

Заставляли? Нет, это слишком мягко сказано. Ее избивали, насиловали, унижали. С ней обращались как к с вещи. Но Мэри не желала об этом говорить. Никогда, ни с кем. Не говорить, не вспоминать, не думать! Тогда, возможно, настанет день, когда она, наконец, поверит в то, что все это был лишь кошмарный сон.

Мэри поднесла к губам бокал и сделала глоток бренди. Потом – еще несколько больших обжигающих глотков.

– Да, – сказала она. И тут же добавила: – Там так наказывали, и это было...

– Не продолжай. Мне тоже приходилось сталкиваться с насилием и жестокостью. – По лицу Ивонн пробежала тень, а губы изогнулись в горькой усмешке. – В моем ремесле невозможно избежать... нежелательных притязаний. Особенно – на первых порах, когда находишься во власти сутенера.

Мэри сосредоточенно сдвинула брови. Неужели Ивонн была уличной проституткой?

– Тогда как же вы смогли стать владелицей этого дома?

Ивонн провела ладонью по губам, словно стирала отвратительный привкус прошлого.

– Мне повезло. Я встретила джентльмена, который полюбил меня. Он заботился обо мне, многому научил и подарил мне «Шатры Эдема». – Лицо Ивонн просветлело. Глаза ее потеплели от прилива нежности. – С ним было очень хорошо. Он вернул в мою жизнь радость. Освободил от страха и боли. – Ивонн поправила прическу и, внимательно глядя на Мэри, проговорила: – Мне кажется, герцог Фарли может стать твоим освободителем.

Не опустишь Мэри на пол несколькими минутами раньше, непременно упала бы сейчас. Может, Ивонн сошла с ума? Во всяком случае, ее слова сильно напоминали бред сумасшедший. Да и как она, Мэри, могла бы освободиться от страха? Он ведь возник не на пустом месте и был вполне обоснованным... Она твердо знала: мужчины – опасные, жестокие и коварные существа, которых надо бояться и избегать.

– Мне никогда не будет хорошо рядом с мужчиной.

– Конечно, дорогая, сейчас ты не можешь думать иначе, но...

– Я всегда буду думать именно так, – заявила Мэри, с силой сжав кулаки, – так, что ногти вонзились в ладони. – Почему вы считаете, что именно этот человек способен, как вы выражаетесь, «стать моим освободителем»? Он производит довольно мрачное впечатление.

– С его семьей связан грандиозный скандал, а суровая внешность – защита от косых взглядов и сплетен в обществе. Но он – герцог, понимаешь? – Ивонн выдержала многозначительную паузу, затем добавила: – И богат как Крез. Он ни в чем не уступает твоему отцу...

– И сможет защитить меня от него, – подхватила Мэри, начиная понимать, в чем заключался план Ивонн.

– Да, сможет. Ведь если твой отец явится сюда, я не сумею помешать ему и спасти тебя. Но если ты отправишься к герцогу Фарли, то получишь могущественного покровителя и надежную защиту.

Мэри зажмурилась. Отправиться к герцогу Фарли... То есть снова оказаться во власти мужчины. До чего же несправедливо устроен мир! Вырвется ли она когда-нибудь из этого порочного круга? Или так и будет всего лишь жалкой игрушкой в руках мужчин?

Впрочем, что толку задаваться бессмысленными вопросами? От ее сетований мир не изменится. Мэри не в силах защитить себя сама. Ей нужна помощь. Помощь мужчины. Эдварда Баррона.

– Почему вы думаете, что он захочет стать моим покровителем?

– Я знакома с ним много лет и никогда не видела, чтобы его настолько заинтересовала какая-нибудь женщина.

– Вы объясните мне, что я должна делать?

– Разумеется.

– Не знаю, смогу ли я... – Мэри поморщилась и со вздохом закончила: – Спать с ним.

– Будь спокойна, когда придет время, сможешь. Герцог не будет торопить тебя. Это не в его характере.

– Хорошо, я согласна, – сказала Мэри. А что еще ей оставалось делать? У нее не было выбора. Хотя...

Мэри вдруг поняла, что даже если бы у нее был выбор, все равно ей очень бы хотелось познакомиться с Эдвардом Барроном поближе. Но вот идти к нему в содержанки...

– Прекрасно, – кивнула Ивонн. – Я все устрою. Надо договориться с герцогом и подобрать тебе подходящее платье. Но все это потом. А сейчас давай выпьем. Пусть плохое останется в прошлом. – Ивонн подняла свой бокал. – За твое благополучие. За тебя. И за Эзме, на которую ты так похожа.

Мэри невольно вздрогнула. Из глубин памяти вырвался крик отца: «Ты вся в мать и пойдешь по ее стопам! Ты будешь шлюхой, такой же шлюхой, как она»!

Что ж, так и вышло. Только мать тут ни при чем. Мэри стала шлюхой по воле отца.

Глава 4

Миссис Палмер терпеливо ждала, когда ее соизволит принять герцог Даннкли, но ожидание давалось ей с огромным трудом. Хозяйка «Приюта Палмер» привыкла, чтобы любое ее требование исполнялось неукоснительно и молниеносно.

Разумеется, она не равняла себя с герцогом. И ей еще повезло, что ее впустили в особняк через парадную дверь, а не с черного хода. Однако его светлости все же стоило поторопиться... Он мог бы догадаться, что она приехала не просто так, а с новостями о его единственной дочери.

Миссис Палмер яростно сжала кулаки. Новости и в самом деле имелись – очень важные и очень неприятные. Исключительно неприятные. Прямо-таки отвратительные. Такого в истории «Приюта Палмер» еще не случалось. Два удачных побега! И оба – с участием Мэри. Сначала эта мерзавка помогла сбежать своей подружке Еве, а потом исчезла сама.

Миссис Палмер вонзила ногти в ладони. Три года из дрянной девчонки выбивали спесь и своеволие – и все напрасно! Надо было давно прикончить ее и закопать рядом с другими упрямицами, лелеявшими мечту вырваться на свободу.

Да, наверное, лучше было бы действовать более решительно. Но как узнать, что лучше, когда имеешь дело с дочерью всемогущего герцога?

Где же он? Черт бы его побрал! Сколько можно ждать?

Устав сверлить взглядом закрытую дверь, миссис Палмер оглянулась по сторонам. Огонь, пылавший в камине, отбрасывал зловещие тени на кроваво-красные стены. Мрачная и тревожная обстановка вполне соответствовала настроению миссис Палмер. Неужели все, чего она добилась, пойдет прахом? А добилась она немало... Долгие годы ее приют наполнил превосходно отлаженный механизм – там надежно хранились секреты тех, кто желал спрятать от мира своих жен, матерей, сестер и дочерей. Надежность и умение все держать под контролем – вот на чем держалась репутация и, следовательно, благополучие хозяйки приюта.

И что же? Чем она могла похвастаться теперь? Скоро, совсем скоро все джентльмены, доверившие ей свои тайны, услышат о двух побегах. И тогда... Нет, этого нельзя допустить. Нельзя.

Тут дверь распахнулась, и на пороге возник герцог Даннкли в вечернем костюме с орхидеей в петлице.

– Итак? – коротко спросил он.

Миссис Палмер стиснула зубы. Она бы с удовольствием плюнула в его надменную физиономию, но, к несчастью, не могла позволить себе такую роскошь. Сила и власть на его стороне.

Даннкли же прошелся по комнате, затем остановился и проговорил:

– Скажите же, наконец, что она умерла. Ведь именно для этого вы явились в мой дом, не так ли?

Миссис Палмер посмотрела в глаза герцога и отрицательно покачала головой.

– Нет, ваша светлость.

– Нет? – переспросил он, и его красивое холеное лицо заметно побледнело.

Хозяйка приюта злобно прищурилась и отчетливо произнесла:

– Ваша дочь сбежала.

Глава 5

Мэри тонула в восхитительных объятиях сна. Нет, не тонула, а плыла, качаясь невесомой пушинкой на ласковых волнах – вверх и вниз, вверх и вниз... Какое блаженство – раствориться в царстве грез, где нет места страданиям и страхам.

– Мэри... – позвал прекрасный женский голос, похожий на голос матери.

Она поджала ноги, свернулась клубочком и зарылась лицом в пухлую подушку. Не надо! Ничего не надо – ни мыслей о матери, ни воспоминаний. Они приносят боль, невыносимую боль. Пусть продлится безмятежное забытие.

– Мэри! – на сей раз голос прозвучал резко и строго. Таким тоном мать говорила, когда в детстве Мэри случалось перепачкаться или порвать платье. – Просыпайся же!

– Нет-нет... – пробормотала Мэри. Во сне ей было легко и спокойно, и она не испытывала ни малейшего желания возвращаться в жестокую реальность.

С нее сдернули одеяло. Мэри ахнула, открыла глаза и поежилась от холода. Она попыталась обхватить себя руками, но смогла только вяло пошевелить пальцами.

– Хлоя у меня сегодня попляшет, – пригрозил красивый голос.

– Хлоя? – Мэри понятия не имела, кто такая Хлоя.

– Да, Хлоя. Я объясню ей разницу между моим домом и притоном для курильщиков опиума. – Женские руки взяли Мэри за плечи и мягко, но настойчиво вынудили ее сесть.

– Я не ку-курила... – произнесла она, едва ворочая языком.

– Оно и видно, – пробурчала... Ивонн? Да-да, конечно, это Ивонн! Лучшая мамина подруга!

Боже милостивый! Ивонн застала ее в таком состоянии и теперь считает лгуньей. Какой позор! В приюте Мэри изо дня в день «лечили» опиумом, но тогда ее заставляли, и поэтому она не испытывала чувства вины, а сейчас...

– Простите, пожалуйста, простите... Мне так стыдно... – пробормотала она.

Ивонн ласково погладила ее по волосам:

– Успокойся, моя хорошая. Тебе не за что просить прощения. Я все понимаю.

– Я не курила опиум. Настойка. Я... я выпила настойку, – призналась Мэри.

Ничего не поделаешь, что было, то было. Два дня Мэри честно боролась с собой и старалась даже не думать про опиум. Но сегодня утром увидела на туалетном столике одной из девушек знакомый пузырек и, не удержавшись от искушения, взяла его с собой. Поэтому сейчас чувствовала себя... как мешок с песком. И примерно так же соображала.

Чтобы разогнать дурман, она крепко зажмурилась, потом открыла глаза и отчетливо увидела бледное лицо встревоженной Ивонн. Эта тревога тотчас передалась Мэри.

– Он приехал? – в панике спросила девушка, не зная, то ли бежать сломя голову, то ли хвататься за кочергу, то ли достать припрятанный пузырек с опиумом. Хотя, конечно, все это было бы бесполезно и бессмысленно. – Отец здесь?

Ивонн сдвинула брови.

– Нет. Пока нет.

Пока? Будь проклято это «пока»! Будь проклят отец, безжалостное чудовище, из-за которого она обречена жить в вечном страхе! Даже если случится невозможное и этот человек будет молить ее о прощении, Мэри никогда не простит его. Никогда!

– Дорогая, у нас мало времени. Нужно привести тебя в божеский вид, прежде чем ты отправишься к герцогу Фарли.

– Так скоро? – в испуге пролепетала Мэри. Столь стремительное развитие событий повергло ее в шок. Она видела Эдварда Барронса один-единственный раз. Всего несколько минут. И было это позавчера. А уже сегодня она станет его содержанкой.

– Мэри, чем скорее, тем лучше. Ты сама это знаешь. – Ивонн взяла ее за руки и заставила встать с кровати. – Оставаясь здесь, ты подвергаешься опасности. Я говорила с Эдвардом. Он согласен быть твоим покровителем и готов принять тебя немедленно.

Мэри слушала вполуха. У нее все расплывалось перед глазами, и она едва держалась на ногах. Что ждет ее сегодня ночью? Вдруг Эдвард не захочет ждать и попытается сразу вступить в свои права? Она вздрогнула и зажмурилась. При мысли о близости с женщиной ее охватывал ужас.

– Только не садись, – предупредила Ивонн, выпуская руки девушки. – Я сейчас принесу одежду. Надеюсь, корсет и платье тебе подойдут. Впрочем, в любом случае с таким щедрым покровителем ты не будешь испытывать недостатка в роскошных нарядах.

Мэри замерла в напряженном молчании. Да и зачем говорить, когда и так все ясно? Да, он, наверное, обеспечит ее всем необходимым. Но ей придется за это платить. Платить собственным телом.

– Мэри, ты меня слышишь? – с подозрением глядя на нее, спросила Ивонн. – Не вздумай снова заснуть. Пройдись по комнате, посмотри в окно. В общем, делай что угодно – только не садись и не ложись. Обещаешь?

– Обещаю, – ответила Мэри, уставившись на стену.

– Вот и хорошо. – Ивонн кивнула и поспешила к выходу. – Я вернусь через минуту.

Мэри мечтательно взглянула на кровать, борясь с желанием опуститься на белоснежную простыню, накрыться одеялом и вновь погрузиться в сон. Но обещание есть обещание. Преодолев соблазн, она выпрямилась и сделала несколько шагов, сначала – робко, потом более уверенно.

Солнце уже зашло, поэтому в комнате горели свечи. И уютно гудел жаркий камин. Чья это спальня? Вероятно, ничья. Мэри осмотрелась. Ни картин на стенах, ни безделушек на каминной полке, ни книг, ни забытой корзинки с рукоделием. Только широкая кровать, два стула и лакированный стол черного дерева в нише у окна. А на столе, на серебряном подносе, – графин с красным вином и два бокала.

Превосходно! Мэри обещала не спать, но не обещала не пить. Поэтому выпьет. Обязательно выпьет. И утопит в вине мысль о том, что ей предстояло лечь под Эдварда Барронса, герцога Фарли. Рано или поздно он этого потребует, и ей придется подчиниться. Чтобы спастись от преследований отца. Чтобы не попасть обратно в приют. Чтобы выжить. Главное – выжить. Мэри уже так много вытерпела. Вытерпит и это.

Мэри подошла к столу, вынула круглую пробку и взяла хрустальный графин. До краев наполнив бокал, она поднесла его к губам и принялась пить – жадно, большими глотками.

Тихо скрипнула дверь. Шурша сапфировыми юбками, в комнату вошла мадам в сопровождении горничной. Мэри смутилась и опустила бокал на поднос. Ивонн печально посмотрела на нее и со вздохом сказала:

– Налей мне тоже, пожалуйста.

Глядя на лучшую подругу матери, Мэри вдруг почувствовала себя ребенком. Она порывисто обняла Ивонн и прошептала:

– Спасибо. Спасибо за все. Не знаю, что бы я делала без вашей помощи.

– Ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь, – ответила Ивонн. – Я сделаю для тебя все, что в моих силах.

Мэри молча кивнула и разжала объятия. Ей отчаянно хотелось допить вино, а потом налить еще и еще... но нет, только не сейчас. Не при Ивонн.

Она подождет, когда все уйдут. Когда никто не сможет увидеть, во что она превратилась.

Глава 6

Боже, как он устал... Все тело ныло и болело, а в голове – свинцовая тяжесть. У Эдварда впечатление, что он пробежал полторы сотни миль до Дувра и обратно. А на самом деле всего лишь провел несколько часов у матери. И, как обычно, возвращался от нее в полном изнеможении. Правда, в фамильном особняке возле Грин-парка его поджидали дурные воспоминания и тягостное одиночество, но тут уж ничего не поделаешь. Зато дома можно как следует выспаться, а сейчас ему только это и требовалось.

Кучер остановил лошадей у парадного входа. Эдвард выбрался из кареты в промозглый сумрак ночи и зашагал по гранитным ступеням. Высокие массивные двери красного дерева плавно открылись, и яркий газовый свет потеснил густую пелену тумана. Дворецкий Гривз застыл у порога – невозмутимый и торжественный, как королевский мажордом.

Войдя в просторный холл и сняв плащ, шляпу и перчатки, герцог вручил все это Гривзу и распорядился:

– Бренди и горячую ванну. – Ему не терпелось поскорее смыть с себя запах матушкиного опиума, хорошенько выпить и лечь спать.

– Будет исполнено, милорд, – с почтительным поклоном ответил дворецкий и добавил: – Гостя вашей светлости уже приехала и ожидает наверху.

Гостя? Какая гостя? Боже милостивый, Калипсо! Точнее – Мэри, как называет ее Ивонн. Но дело не в имени, а в том, что она здесь.

Эдвард устремился к лестнице, ведущей на второй этаж. Уму непостижимо! Как он мог забыть, что сегодня вечером Калипсо придет сюда – и вовсе не в качестве гостыи?

Приняв предложение стать ее покровителем, он решил, что она будет жить у него дома, в комнатах, смежных с его спальней. Вообще-то эти комнаты предназначались для супруги герцога (если таковая когда-нибудь появится), и селить в них содержанку никак не следовало. Но Эдвард желал, чтобы она постоянно находилась с ним рядом. Ему хотелось видеть ее, говорить с ней, сидеть с ней за одним столом, потчует изысканными блюдами. Кроме того, Ивонн дала понять, что Мэри угрожала какая-то опасность. А раз так – ее тем более не следовало выпускать из поля зрения.

Перепрыгивая через ступени, Эдвард поднялся на второй этаж, едва ли не бегом прошел по длинному коридору и, взявшись за дверную ручку, на секунду остановился. Он уже не помнил, когда так волновался перед свиданием с женщиной.

Наконец он открыл дверь – и оцепенел. Ему в нос ударил густой запах опиума. Приторный, сладковатый запах смерти и тлена...

Герцог обвел взглядом ярко освещенную гостиную. Никого. Диван пустовал, кресло у камина – тоже. Холодный фазан и прочие блюда на столе, накрытом парчовой скатертью, не тронуты. А вот вина в графине явно поубавилось.

Силы небесные! Вино и опиум! О чем думала эта женщина? Ей жить надоело? И вообще, где же она?

– Калипсо!.. – позвал Эдвард.

Не получив ответа, он прошел в смежную комнату. Там, на широкой кровати под лазоревым балдахинем, лежала хрупкая фигурка в фиолетовом платье. Тонкая рука безвольно свесилась вниз. На полу – осколки хрустального бокала и красное пятно. К счастью, не кровь, а бордо – любимое вино Эдварда.

– Мэри!

Она не отозвалась и не пошевелилась. Глядя на ее мертвенно бледное лицо, Эдвард похолодел. Он слишком хорошо знал, что такое этот беспробудный сон.

Его мать пыталась покончить с собой, приняв слишком большую дозу опиума. Неужели Калипсо решила на самоубийство?

В ужасе Эдвард кинулся к ней и схватил ее за плечи. Слава богу, она пока дышала. Пока...

Он выпустил ее, выбежал из спальни и вихрем пронесся по коридору, чудом не поскользнувшись на шелковой ковровой дорожке.

– Гривз! – Эдвард перегнулся через перила и еще раз крикнул: – Гривз!

Старый дворецкий вышел в холл и запрокинул седую голову:

– Что угодно вашей светлости?

– Пошлите за доктором! И принесите мне воды с содой.

Гривз, явно озадаченный, сощурил подслеповатые глаза.

– Живо, черт вас возьми! – рявкнул Эдвард.

В испуге заморгав, дворецкий торопливо направился в помещение для прислуги.

Вернувшись к Мэри, Эдвард склонился над ней и прислушался. Ее дыхание стало слабее, и каждый вдох явно давался ей с огромным трудом.

Что же делать? А вот что! Он перевернул девушку, уложив ее на живот, одним движением разорвал шелковое платье сверху донизу и расшнуровал корсет.

Оставшись в нижней сорочке, Мэри прерывисто вздохнула и застонала.

– Ничего-ничего, – пробормотал Эдвард, сбросив остатки фиолетового наряда на пол. – Без этого легче дышится, правда?

В спальню вошел Гривз с бокалом на серебряном подносе.

– Идите сюда, – приказал Эдвард.

Дворецкий наморщил и без того морщинистый лоб.

– Что случилось, ваша светлость?

– Не задавайте лишних вопросов. Делайте, что я скажу.

Гривз молча кивнул.

– Я буду держать ее. – Эдвард сел на кровать, приподнял Мэри и прижал к себе, удерживая в таком положении. – А вы возьмете бокал и вольете ей в рот все до последней капли, ясно?

Подойдя к кровати, Гривз опустил поднос на пол, взял бокал и поднес его к плотно сжатым губам девушки.

– Пей, – прошептал Эдвард ей на ухо. – Открой рот и пей.

Разумеется, она его не слышала.

Дворецкий в растерянности переступил с ноги на ногу.

– Зажмите ей нос, – сказал герцог.

Гривз сжал пальцами изящный носик Мэри и влил в приоткрывшийся рот порцию шипучей воды с содой.

Мэри дернулась, судорожно сглотнула и закашлялась.

– Подождем и продолжим, – распорядился Эдвард.

Как только Мэри откашлялась, Гривз снова зажал ей нос и поднес бокал к ее губам. Она пила, мучительно вздрагивая при каждом глотке. Но все-таки пила.

– Готово, – сказал Гривз и поставил пустой бокал на поднос. – Что теперь, ваша светлость?

– Теперь еще подождем. Возьмите ночной горшок и держите его наготове.

Им не пришлось долго ждать. Через минуту Мэри стошнило, что, собственно, и требовалось.

– Ну вот, Калипсо, – тихо сказал Эдвард, вытирая ей рот носовым платком. – Мы очистили твой желудок от ядовитого зелья.

– Принести юной леди еще воды, ваша светлость? – спросил Гривз, сочувственно глядя на девушку.

– Да, конечно. Ей нужно пить как можно больше, хочет она того или нет.

Дворецкий кивнул, взял поднос и направился к выходу.

– Пойдите, Гривз, – сказал Эдвард. Немного помедлив, произнес: – Спасибо, вам. Большое спасибо.

– Всегда рад помочь, ваша светлость, – смутившись, ответил дворецкий и с поклоном вышел из спальни.

Осторожно прижимая к себе Мэри, Эдвард тяжело вздохнул. Выходит, не зря он так волновался перед свиданием с ней. Хороший сюрприз она ему приготовила...

Любой нормальный мужчина немедленно отправил бы ее обратно к мадам Ивонн. Кому нужна содержанка, которую приходится вытаскивать с того света? Никому. Никому, кроме него.

Эдвард закрыл глаза и впервые за долгие годы обратился с истовой молитвой к Богу, в существовании которого сомневался. Сомневался – и все же молил о том, чтобы Мэри выжила, и о том, чтобы ей хотелось жить.

Глава 7

– Не могли бы вы сообщить ее фамилию?

Мэри медленно возвращалась из небытия. Ее разбитое тело терзала боль, а едва слышимые мужские голоса усиливали охватившую ее панику.

Боясь пошевелиться, она пыталась понять, не чудился ли ей этот разговор.

Мэри не знала, где находилась. И не знала, что с ней произошло. Она изо всех сил старалась дышать ровно – иначе мужчины поняли бы, что она очнулась. А ей требовалось время, чтобы выяснить все и решить, что делать дальше. Но она была точно не в приюте – там говорили по-другому.

– Я не знаю ее фамилию.

Хм... кажется, она уже где-то слышала этот голос. Сильный и выразительный. Хотя очень может быть, что эти голоса – всего лишь плод ее воображения. Возможно, скоро они исчезнут, и она сможет спокойно прийти в себя.

Все ее тело буквально горело от боли. И нестерпимо болела голова. А то, что творилось в животе... Ох, такое даже невозможно описать.

– Эта настойка очень плохо приготовлена, – слышался другой голос – твердый, но скрипучий, похожий на голос старика. – Она почти целиком состоит из опиума.

Последовала долгая пауза, а потом снова раздался знакомый голос, теперь уже слегка дрожащий:

– А вы не думаете, что она пыталась свести... свести счеты с жизнью?

Судя по боли, жалившей ее тело, это был все-таки не сон. Но неужели кто-то пытался покончить с собой? Как глупо... Ведь глупо же отказываться от такого дара, как жизнь. Трудно представить, кто мог бы решиться на такое... За все три года, что Мэри провела в приюте, только одна несчастная повесилась, сделав петлю из простыни. С тех пор там запретили не только простыни, но и даже ложки.

– Нет, я так не думаю, – ответил скрипучий голос. – Хотя об этом следует спросить у нее. Но того, кто приготовил это зелье, стоило бы им же и напоить. Это просто преступление.

Мэри вздрогнула – и не смогла сдержать стон. Ведь она тоже пила настойку! Не о ней ли они говорили?..

– Мэри!.. – позвал знакомый голос.

С трудом приоткрыв веки, сквозь пелену, застилавшую глаза, она разглядела потолок цвета слоновой кости с изображенными на нем золотыми листьями.

Золотые листья и лепнина? Где же она? Изысканное убранство казалось ей знакомым – как и один из голосов. Но она не могла ничего вспомнить.

– К... кто вы? – пробормотала Мэри.

На постель тотчас же кто-то сел. Борясь с болью, терзавшей тело, Мэри вцепилась в одеяло и попыталась отодвинуться. Нужно бежать! Нужно вырваться на свободу!..

Тут чья-то теплая рука коснулась ее пальцев, и снова слышался знакомый голос.

– Это я, Эдвард.

Мэри подавила инстинктивное желание отдернуться от прикосновения и вместо этого медленно и очень осторожно повернулась к мужчине, сидевшему рядом с ней на широкой кровати.

Черные как смоль волосы падали ему на лоб. Темные глаза, пылавшие неистовым, почти пугающим огнем, напряженно смотрели на нее. На щеках же проступала едва заметная щетина, а ворот рубашки был расстегнут.

Мэри охватило смятение. Этот человек взял ее под свое покровительство, а она...

Она даже не знала, что натворила. Просто стояла у камина и ждала его, со страхом думая, сможет ли перенести неизбежное... а потом вдруг все куда-то исчезло.

– Простите меня, – сказала Мэри с отчаянием в голосе. Когда-то она была любима всеми и могла позволить себе все, чего хотела, а теперь вынуждена просить прощения за любую свою слабость... При этой мысли отчаяние сменилось ненавистью к отцу, виновному во всех ее бедах, решившему унижить и уничтожить ее.

– Вам не за что просить прощения, дорогая. Вам никогда больше не следует извиняться. – В словах Эдварда не было сострадания – только глубокая печаль. И это успокоило Мэри, подействовав лучше, чем любые сочувственные банальности.

«Не за что просить прощения». Так говорила и Ивонн. Но они вряд ли утверждали это искренне. Ведь она теперь стала существом, которому не место в обществе.

Ох, как же Мэри хотелось бы заплакать! Но нет, глаза ее оставались сухими.

– Вы не заслуживаете... такого... – пробормотала она.

– Вы не знаете, чего я заслуживаю, – ответил Эдвард, и его рука осторожно сжала ее пальцы.

Мэри была ошеломлена: ей не захотелось вырваться! Наоборот, прикосновение оказалось таким приятным...

А Эдвард вдруг помрачнел и тяжело вздохнул.

– Дорогая, я должен вас кое о чем спросить. Вы пытались... – Он неожиданно умолк, отвел глаза и снова вздохнул.

– Пыталась ли я – что?.. – пробормотала Мэри.

И тут она увидела еще одно лицо – все покрытое морщинами. Это было лицо пожилого мужчины, чьи седые волосы отливали серебром при свете свечей.

– Я доктор Каррингтон, дорогая. А герцог... Он желает узнать, не пытались ли вы покончить с собой, – пояснил пожилой мужчина.

Мэри в изумлении смотрела то на доктора, то на Эдварда. Она уже собралась решительно опровергнуть это предположение, но тут вспомнила о выпитом ею вине и настойке... Естественно, они опасались худшего. О чем же еще можно было подумать на их месте?

Осторожно высвободив свою руку из пальцев Эдварда, Мэри посмотрела на узорчатые занавески, закрывавшие окно, и проговорила:

– Нет, я никогда бы не рассталась с тем, что действительно принадлежит мне.

Эдвард шумно выдохнул. От облегчения? Мэри снова взглянула на него. В его глазах больше не было тревоги.

– Я так и думал, – заявил доктор Каррингтон. – Настойка, которую вы выпили, состояла на три четверти из чистого опиума. Кто дал вам ее?

Мэри закрыла глаза. Ее тошнило.

– Это не важно. – Ей не хотелось говорить о настойке. Вообще не хотелось говорить, – настолько плохо она себя чувствовала.

– Нет, важно, – решительно возразил Эдвард. – Вы чуть не умерли. А кто-то другой может умереть, если выпьет такую настойку.

Сердце Мэри болезненно сжалось. Ох, какое унижение! Ведь Эдвард увидел в ней нечто большее, чем жалкое существо, нуждавшееся в спасении. Он увидел в ней красоту и очарование, достойные восхищения. Теперь же он просто выбросит ее на улицу, больную и измученную.

Мэри села, осторожно опираясь на руки, и с трудом преодолевая тошноту, проговорила:

– Думаю, мне пора уйти.

Эдвард наклонился к ней:

– Простите, вы о чем?

– Я не обладаю тем, чего вы могли бы возжелать, – заявила Мэри. – Я не обладаю ни умом, ни силой воли, ни привлекательным телом. У меня нет того, что вам требуется.

– Доктор Каррингтон, оставьте нас, – приказал герцог.

– Да, ваша светлость. – Тотчас же раздались шаркающие шаги, за которыми последовал хлопок двери.

Мэри осмотрелась. Одеяло почти сползло с нее, так что еще немного – и обнажилась бы грудь. Где же ее платье?

Она же снова осмотрелась. На полу лежали корсет и кринолин, а под ними виднелась какая-то ткань. Ее платье...

Воспоминания постепенно возвращали ее к действительности. Да, она едва не погибла. И осознание этого было еще хуже, чем унижение, которое она чувствовала. Мэри могла погибнуть, но не от рук слуг из приюта для умалишенных и не от холода темных йоркских ночей. Она чуть сама себя не убила, находясь в безопасности и тепле герцогского особняка.

Мэри с трудом подняла на него глаза.

– Вы спасли меня, – прошептала она.

Зрачки Эдварда расширились.

– Я..? – Казалось, он был искренне удивлен. И во взгляде его вдруг появилась какая-то странная уязвимость – как будто он превратился в маленького беззащитного мальчика.

И тут Мэри решила на то, чего давно уже не совершала, – собрав волю в кулак, взяла Эдварда за руку.

– Благодарю вас, – сказала она.

Герцог посмотрел на бледные тонкие пальцы, легонько сжимавшие его кисти.

– Будет достаточно, если вы поправитесь. Мне не нужна другая благодарность.

«Неужели я встретила идеалиста, романтика?» – думала Мэри не в силах поверить, что такие люди существовали.

– Эдвард, как бы печально это ни было, но я не думаю, что когда-нибудь приду в себя и полностью оправлюсь. После всего того...

– Вы оправитесь. Должны оправиться. Я заставлю вас... – В его темных глазах сверкнул гнев, и это немного обескуражило Мэри.

– Но почему? Зачем вам это?..

– Я так хочу.

– Ваши желания всегда исполняются?

– Всегда, – ответил герцог без промедления. Но в темных глазах таилась печаль, словно все его желания уже давно были забыты.

Мэри разжала пальцы и выпустила его руку.

– Я знаю человека, похожего на вас, – прошептала она.

– Похожего на меня?..

– Вы очень добры, Эдвард, пока все ваши желания неукоснительно исполняются. – В ее памяти всплыли глаза отца, полные ярости. Он был таким добрым и щедрым... пока все ему подчинялись. Но при малейшем неповиновении благодушие превращалось в холодную злобу, и он не ограничивался словами. Пока Мэри была его бриллиантом и жемчужиной, она этого не понимала. Бриллиант и жемчужина – так герцог называл жену и дочь. То были две его драгоценности, которые надлежало бережно хранить, а при малейшем недовольстве ими – сопротивлении – безжалостно ломать.

– Я тоже знал таких людей, Калипсо. Но я не такой.

– Не жестокий?

– Могу быть, – без колебаний ответил Эдвард. – Человек в моем положении временами должен быть жесток.

Мэри вздохнула.

– Значит, вы не можете сделать меня лучше, Эдвард.

Он смерил ее пронзительным взглядом и проговорил:

– Я не стану принуждать вас к чему-либо. Наоборот, буду обращаться с вами вежливо, с добротой, и вы поймете, что заслуживаете гораздо большего, чем думаете.

Мэри криво усмехнулась.

– Я забыла, что такое вежливость, так что могу ее не оценить.

– Почему?

– Поговорим лучше о вас, Эдвард.

– Согласен, – кивнул он в ответ. – Так вот, я не получаю удовольствия от чужих страданий.

Как же ей хотелось ему верить! Но он явно чего-то недоговаривал... Казалось, герцог пытался убедить Мэри в том, что вовсе не похож на тех мужчин, которые ей встречались, но было ясно, что он причинял людям боль. И будет причинять. Именно поэтому она ни за что не скажет ему, какая из девиц мадам Ивонн дала ей настойку опиума. Было очевидно, что он кипел от гнева. И на всякого, кто навредил бы ей, Мэри, обрушилась бы его ярость – точно так же, как обрушивалась на нее ярость отца. Никто не смел обижать ни его «бриллиант», ни его «жемчужину» – только он сам.

– Позвольте мне помочь вам, – мягко настаивал Эдвард.

Мэри невольно вздохнула. Она вдруг поняла, что герцог Фарли так заботился о ней лишь по одной-единственной причине – им руководила сила, исходившая из глубин его томившегося сердца.

– А если позволю, будете ли вы готовы к тому, что вам не удастся добиться желаемого?

– Нет, Калипсо. В таких случаях я никогда не признаю поражения. – С этими словами он осторожно коснулся ее впалых щек.

В душе Мэри боролись два желания. Ей хотелось полностью отдаться мимолетному ощущению безопасности. А безопасность эта обязательно окажется мимолетной – отец научил ее тому, что человек может носить маску, скрывающую его истинную сущность, и лишь вопрос времени, когда и в какой момент он снимет эту маску. И еще ей хотелось бежать от неминуемых несчастий – их всегда приносили подобные люди.

Мэри пыталась отбросить сомнения, и ей на несколько мгновений действительно удалось почувствовать себя в безопасности. Закрыв глаза, она погрузилась в воспоминания о том времени, когда она полностью отдавалась радости и веселью. Тогда она была счастлива с момента пробуждения и до самого сна, да и сами сны были светлые, как и ожидавшее ее будущее любимой дочери герцога.

Но со временем она узнала, что каждая секунда той жизни была чудовищной ложью, готовой раскрыться по команде отца. И Мэри со вздохом вернулась в настоящее. Да-да, Эдвард будет решительно настаивать на том, что сможет сделать ее счастливой, – как бы она ни пыталась переубедить его. Так случалось, когда ее мать пыталась в чем-то убедить отца.

Мэри отстранилась от герцога и пробормотала:

– Мне нужно отдохнуть...

– Да, хорошо, – Он поднялся с постели. – Если вам что-нибудь понадобится, вызовите горничную. Я буду иногда приходить к вам, чтобы убедиться, что... что с вами все порядке.

Мэри с трудом изобразила благодарную улыбку. В конце концов, она действительно была ему благодарна.

– Спасибо, – прошептала она.

Герцог направился к двери.

– Эдвард!.. – вдруг позвала Мэри. – Вы уверены, что поможете мне?

Его рука лежала на позолоченной ручке двери. На лице же появилась улыбка.

– Да, уверен.

– А вы сами? – Боже, каждое слово, которое она произносила, казалось ужасной глупостью. Но Мэри не могла остановиться. – Вы сами, Эдвард, нуждаетесь в помощи? Позволите ли вы кому-нибудь помочь вам?

Мэри уже знала ответ, но ей хотелось его услышать.

Герцог долго смотрел на нее, и огоньки, мерцавшие в его глазах, постепенно угасали.

– Доброй ночи вам, Калипсо, – сказал он наконец и тотчас же вышел из комнаты.

Глава 8

Пробуждение приносило с собой горечь. Когда Мэри открывала глаза после дурмана, она страстно желала, чтобы у нее хватило сил в следующий раз выплюнуть опиум в лицо надзирателям. Пусть лучше избыют ее до смерти! Но она все равно глотала зелье, и со временем оно стало ей необходимо. Она даже предвкушала дурман – и только после того, как опиумное опьянение проходило, ненадолго раскаивалась...

А сейчас она в задумчивости смотрела в потолок с замысловатой позолоченной лепниной. Мэри осторожно повернулась на бок, пытаясь побороть боль, терзавшую ее тело. Боль не отступила, но стала немного слабее.

Мэри откинула пуховое одеяло и села. Ступни не касались пола – до него оставалось несколько дюймов.

Эта обширная постель была достойна великих лордов из старинных легенд. В кентском особняке ее отца таких было несколько. Когда-то Мэри играла на них, воображая себя королевой Елизаветой, отправляющей верного сэра Уолтера Рэли на поиски несметных сокровищ. А теперь могла вообразить себя разве что королевой безумия.

Тут Мэри вдруг поняла, что на ней не было никакой одежды. Она посмотрела на дверь. В висках громко отдавалось биение сердца. Вцепившись в одеяло, она попыталась прикрыться. Видел ли Эдвард ее в таком виде?

Конечно, видел. Кто-то же ее раздел... Мэри перевела взгляд на пол. Ее корсет и платье уже унесли.

Как ни странно, она не чувствовала унижения. Наоборот, явился неожиданный вопрос: понравилось ли Эдварду то, что он увидел?

И самое странное: Мэри надеялась, что понравилось. Да, действительно странно... Ей впервые захотелось быть желанной.

Ее губы растянулись в усмешке. Разве можно увидеть красоту в столь изувеченном теле? Вряд ли его светлость мог найти такое зрелище привлекательным.

Мэри встала с постели и, пытаясь прикрыть наготу роскошным одеялом, подошла к окну. Приподняв штору из кремовой парчи, она выглянула наружу.

Парк перед особняком был освещен тусклыми лучами солнца, кусты и трава казались не зелеными, а совсем темными, почти черными.

Шаги в коридоре заставили Мэри вздрогнуть. Она резко обернулась к двери, уже приоткрытой герцогом.

Мэри крепко вцепилась в одеяло и вскинула подбородок. Эдвард не должен был заметить, что она чуть ли не дрожала от страха.

– Я уже очнулась, ваша светлость.

После этих ее слов он распахнул дверь и вошел в комнату. Черный утренний костюм подчеркивал широкие плечи и великолепную фигуру. Герцог Фарли выглядел безупречно.

Увидев Мэри у окна, он оглядел ее с ног до головы. Во взгляде его не было ни намека на вожделение. Просто внимательный взгляд.

– Вам стало лучше? В смысле физически...

– Физически? – в недоумении переспросила Мэри.

– Душевно, боюсь, вы все еще в плачевном состоянии, – сочувственно сказал Эдвард.

Она уже раскрыла рот, чтобы опровергнуть подобное предложение, но ложь отказалась сорваться с ее языка.

– Зачем вам знать, как я себя чувствую?

Герцог едва заметно пожал плечами.

– Я много раз просыпался, сгорая от стыда. Неприятное ощущение, но его можно перенести.

– Вы больше не испытываете стыда?

– Не испытываю. Так гораздо проще. – Он сделал шаг в сторону Мэри. – Увы, правила, предписываемые обществом, заставляют нас заниматься самоуничтожением и постоянно чего-нибудь стыдиться.

– А вы эти правила забыли?

– После долгих упражнений я смог отбросить практически все законы и ограничения, предписываемые обществом. – Еще один осторожный шаг. Сквозь тонкую материю его брюк проступали мощные крепкие мышцы. – Я настоятельно советую вам сделать так же.

Мэри не могла оторвать взгляд от его фигуры.

– Почему же?

– Потому что тогда вы никогда больше не будете переживать то чувство, которое мучит вас сейчас.

Сама мысль о том, что можно не испытывать к себе неприязнь, казалась Мэри невероятной. Это было бы прекрасно. Но об этом нельзя даже мечтать.

– Никогда? – переспросила она.

– Да, никогда. Потому что стыд лишен всякого смысла. Следует учиться на своих ошибках и гордиться тем, что они не повторяются.

Хриплый смех вырвался из груди девушки.

– Полагаю, вы хотите сказать, что в будущем мне не следует пить вино одновременно с опиумной настойкой.

– Думаю, вы выпили слишком много вина. Что же касается опиума, то от этого стоит воздерживаться отнюдь не из нравственных побуждений. В конце концов, вы же не избавились от чувства самосохранения?

– Оно при мне.

– Замечательно. – Эдвард уже был совсем рядом с ней. – Возможно, тогда вы скажете мне, кто дал вам настойку, которая чуть не убила вас.

Мэри подавила желание отступить. «Нельзя бежать», – сказала она себе и еще выше подняла подбородок, словно бросая вызов.

– Ради чего мне следует об этом говорить?

– Ради моего удовольствия.

Мэри смело встретила взгляд черных глаз, будто выточенных из обсидиана. Интересно, каково это, доставлять ему удовольствие?.. И получит ли удовольствие она?

– Вы предоставляете мне защиту, и, наверное, именно поэтому ждете от меня полной откровенности, не так ли?

– Да, – кивнул герцог.

Такой ответ ужасно разозлил Мэри. Она сбежала из сумасшедшего дома вовсе не для того, чтобы ею снова командовали! Если бы она хотела, чтобы кто-то имел над ней полную власть, она просто осталась бы в приюте.

Тут Эдвард осторожно поднял руку и откинул с ее лба короткие локоны. Мэри вздрогнула. Сначала ей показалось, что ее реакция была продиктована страхом, но затем... Оказалось, что в его прикосновении было что-то успокаивающее и... возбуждающее? Ей вдруг ужасно захотелось снова почувствовать, как он дотрагивается до нее.

И он дотронулся. Кончики его пальцев легонько коснулись ее щеки.

– Как ваш покровитель, я...

– Как мой покровитель, вы можете претендовать только на мое тело и почтительность, не более того.

Его пальцы замерли около ее щеки. А брови нахмурились.

– На данный момент это еще не так.

– Нет, именно так, – возразила Мэри, делая ударение на последнем слове.

– Вы хорошо знаете кредо куртизанок, дорогая. Скажите, ваш последний любовник издевался над вами? – Немного помолчав, Эдвард заявил: – Я могу позаботиться о том, чтобы из него сделали отбивную, если вам угодно.

Мэри поджала губы. Как она могла рассказать ему о том, что пережила, о том, кто был ее последним «любовником», – точнее «любовниками»? Ведь об этом даже думать было больно.

– Вам не стоит опасаться моего осуждения, дорогая, – добавил герцог.

Его поистине безграничная доброта казалась странной. Холодный и расчетливый, – но готовый спасти ее и заботиться о ней? Нет-нет, ничто не заставит Мэри рассказать ему обо всем, иначе он с отвращением выбросит ее на улицу.

Но Эдвард ведь все равно со временем узнает, что ее упрятали в приют, и тогда... эта мысль приводила Мэри в смятение.

– Скажите, кто вы? – вкрадчиво проговорил Эдвард, осторожно приподняв подбородок. – Ивонн сказала мне только то, что вы нуждаетесь в покровителе.

– Зачем вам это знать?

Он погладил ее по щеке.

– Я смог бы тогда оградить вас от опасностей прошлого. Я желаю обеспечить вам безопасность.

– И благополучие?

– Да, и благополучие.

– Если бы вы знали обо мне больше, ваша светлость, вы бы этого не желали. – Мэри хотелось отойти от него, но, с другой стороны, ей не хотелось терять связь, возникавшую между ними. Она напомнила себе, что теперь стала его любовницей, – а если так, то и вести ей себя следовало подобающим образом. – Гораздо лучше, когда любовники далеко не все знают друг о друге, разве не так?

Глаза Эдварда, казалось, пронизали ее насквозь.

– Значит, не расскажете?

Мэри со вздохом покачала головой:

– Нет.

Он положил руку ей на плечо, и ее сердце забилося еще быстрее. Нет, Мэри не чувствовала страха, – наоборот, с нетерпением ждала, что будет дальше.

– Почему не расскажете?

– Вам незачем об этом знать, – ответила Мэри.

Она прижала ладонь к груди герцога и тотчас же почувствовала исходящее от его тела тепло, приятное и успокаивавшее.

– А если я желаю знать о вас все? – спросил он.

Мэри уже твердо решила, что будет ублажать его, но ни за что не расскажет о своем прошлом. Никогда. Ему не следовало знать, как ею пользовались в приюте.

– Тогда, боюсь, вы будете крайне разочарованы, ваша светлость.

В его глазах вспыхнул огонь страсти.

– Калипсо, вы никогда не сможете меня разочаровать. И не важно, что вы сотворите, не важно, чего вы наговорите, – я до конца дней своих буду преклоняться перед вашей душой, совершенной даже в своем несовершенстве.

Мэри с удивлением смотрела на герцога. Ее душа «совершенна даже в своем несовершенстве»? Она никогда не думала об этом. Но почему же он вдруг... Поддавшись внезапному порыву, Мэри прижалась к нему всем телом.

– Позвольте мне познать глубины вашего сердца, позвольте быть их стражем.

Все ее существо буквально кричало: «откройся ему, откройся!» Но три года непрерывного ужаса, от которого кровь стыла в жилах, воздвигли неприступные стены на пути к ее сердцу. Увы, Мэри просто не могла рассказать о своем заточении, поэтому прикрыла глаза и пробормотала:

– Мое сердце непостижимо и для меня самой. Но вы можете познать меня с другой стороны... – Ради всего святого, пусть он примет ее предложение и оставит прошлое в покое. Пусть ужасные воспоминания о приюте таятся в глубинах памяти – так, чтобы ничто не тревожило их.

Тут герцог наклонился и поцеловал ее. Мэри в страхе оттолкнула его и воскликнула:

– Остановитесь! Умоляю вас!

– Что случилось? Что-то не так?..

Мэри охватила паника. Теперь она видела перед собой жирное обрюзгшее лицо с налившимися кровью глазами. Видела на том самом месте, где совсем недавно было лицо Эдварда.

– Нет-нет-нет! Мне нельзя! – Она толкнула его еще раз. И, покачнувшись, обвела взглядом комнату. – Нет, пожалуйста, нет! – Теперь она увидела мозолистые руки другого надзирателя – руки, покрытые грязью вплоть до треснувших ногтей. – Стойте же, стойте! – задыхаясь, прохрипела она. – Остановитесь!..

– Мэри!.. – позвал чей-то голос, полный отчаяния. А по телу ее шарили грубые, толстые пальцы. – Мэри, вы меня слышите?!

Она покачала головой и попыталась отцепить от себя эти ужасные пальцы, но тщетно. Мэри вдруг обнаружила, что не может избавиться от них – эти мерзкие руки были повсюду, и они все крепче сжимали ее. Вот-вот они бросят ее на пол, а затем поднимут и...

Из горла Мэри вырвался крик. Она закрыла лицо ладонями и зажмурилась. Но надзиратель по-прежнему маячил перед ней, пожирая ее своими тусклыми свиными глазками.

Мэри задыхалась от запаха грязной, немытой плоти, и ей казалось, что эта мука никогда не кончится. Да-да, ей никогда не убежать, никогда не скрыться – теперь она знала это точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.